

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болтливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

Глава 1

PIPA THE TERRIBLE

Хроника январского утра

Квартира Дурневых. Где-то на грани между поверхностным сном и глубоким маразмом.

6.50. За окном тоскливая зимняя темно-синь.

6.51. Шпингалет отщелкивается сам собой. Дверь лоджии распахивается. Стекла в рамах дребезжат нечто нескончаемо виртуозное в духе Листа.

6.52. Пипе Дурневой становится холодно. Ее не в меру упитанная нога с помидорного цвета пяткой вытягивается под одеяло.

6.53–6.57. По комнате кто-то крадучись ходит, спотыкаясь о золотых тигров и не золотых, зато добросовестно выпотрошенных ятаганом плюшевых медведей. По стене прыгает ломкая тень, сжи-

Дмитрий Емец

мающая в руке нечто злое, похожее на копье македонских непобедимых фаланг...

6.57. Пипа Дурнева начинает испытывать смутное беспокойство, но ленится открыть глаза и лишь глубже зарывается в подушку.

7.00. Пипу точно трубный глас настигает назойливый писк электронного будильника. Она свешивает ноги с кровати, озирается, видит темную фигуру, всматривается, а спустя мгновение парадную тишину правительственного дома раскалывает жуткий крик.

7.01. Вспыхивает свет — бросаясь к двери, Пипа полуосознанно цепляет рукой выключатель. Неопределенность ночи уступает хмурой определенности утра.

* * *

Из коридора Пипа опять оглянулась, и ее нечеловеческий вопль перешел в удивленный и даже восторженный взвизг.

На краю дивана, попиравшего дубовый паркет кривоватыми, но благонадежными черными ножками, сидел Гурий Пуппер. Он выглядел подавленным. На носу у него красовались подклеенные скотчем очки — номер первый из уникальной пупперовской коллекции поломанных очков. Длинная метла стояла в углу, подтекая тающим снегом.

Приседая от любопытства, Пипа вернулась в комнату и поспешно юркнула под одеяло. Она не хотела, чтобы у Пуппера была возможность созерцать ее

пижаму. Это была агитационно-предвыборная фланелевая пижама, украшенная портретом ее папочки и лозунгом «Загрызу за гуманность!» на спине.

Но Гурию было не до пижамы. Он страдал. Нижняя челюсть у него тряслась. Взгляд дико блуждал по стене, спотыкаясь о пестрый рисунок обоев.

— Это конец! Она меня бросила! — тоскливо сказал Гурий.

Кося лиловым глазом, Пипа сочувственно взглянула из-под одеяла.

— Это навсегда, я знаю! Моя тетя, которая снится магвокатам, была права: нам не быть вместе! — еще надрывнее произнес Пуппер.

Холодная капля туманного происхождения скользнула вдоль благородного английского носа, запуталась в носогубной складке и упала Пипе на ногу.

Пипа сглотнула. Она с утра неважно владела голосом.

— Бедный! Кто бросил-то? — спросила она хрипло.

— Татьяна... Твоя sister. Она перевернуться к свой старый бойфренд! — воскликнул Пуппер, от огорчения теряя все русские падежи и склонения.

— А кто у нее бойфренд? — жадно спросила Пипа, равнодушная к такого рода подробностям.

— О, я он почти не знай! У него кошмарный русский фамилий! Вайлялькин! Джон Вайлялькин! — с омерзением выговорил Гурий и уронил голову на руки.

Дмитрий Емец

«Ишь ты, новый какой-то! Видать, того щекастого с пылесосом она тоже продинамила! Вот бы не подумала, что занюханная Гроттерша окажется подобной стервой!» — подумав, заключила Пипа.

В устах Пипы, как и в устах ее мамочки, слово «стерва» звучало почти как похвала. Это было несомненное признание достоинств.

— Вайлялькин — есть увалень. Он не стоит один палец Таня... Он околдовал ее магией вуду и теперь разобьет ей жизнь. Он будет пить vodka, а ее заставит целовать слюнявый старикашка, чтобы получать за это дырки от бублик, — убежденно заявил Пуппер.

— Откуда ты знаешь? — удивилась Пипа.

— Мне рассказал об этом тетя Настурция! Она изучал психологию. Ее диссертация называться «Мир как большой помойка». Она читал мне ее перед сном, когда я был чайлд, — убито сказал Пуппер.

Он то затухал, впадая в бездну уныния, то, как проснувшийся вулкан, начинал извергать укоры и проклятия. Неглупая Пипа сообразила, что Гурий может теперь пребывать в таком настроении до бесконечности.

«Интересно, а ко мне он чего прилетел? На Гроттершу жаловаться? Что ж, от слез в жилетку до новой любви один шаг!» — цинично решила про себя Пипа, маскируя зевок под очаровательнейшую из улыбок.

Пуппер ничего не заметил. Улыбка улетела в молоко.

— Вайлялькин просто деревенщин! Он не следит за свой внешний вид! От его кошмарный желтый тряпка пахнуть гарпий! Как Таня могла выбрать его по добрый воля и с трезвый голова! — сказал Гурий.

— Пряма в самую точку!.. Умничка, Гурий! Но, строго между нами, у Таньки никогда не было вкуса. Я ей, например, никогда не нравилась, — промурлыкала Пипа.

Пуппер задумчиво потер пальцем свой шрамик в форме копирайта и вновь затух. Довольная Пипа осознала, что попала в цель, подтвердив скрытые опасения Гурия. Теперь стоило только выждать время, когда яд ее слов начнет положительно действовать на мозги англичанина.

Забившись поглубже под одеяло, дочка Дурнева достала из-под подушки зацелованный портрет Гэ Пэ и стала придирчиво сравнивать его с оригиналом. Пока она сравнивала, оригинал вздыхал и, страдая, грыз ногти. На подбородке и щеках у Гурия пробивалась колючая, явно не раз уже тронутая бритвой щетина, которую журналисты упорно именовали юношеским пушком. М-да, как ни крути, мальчик подрост — не удивительно, что его все время тянуло жениться.

Спустя минуту Пипа окончательно утвердилась во мнении, что актер, играющий Гэ Пэ в кино, безусловно, симпатичнее. Однако этот Пуппер выгодно отличался от *того* Гэ Пэ уже тем, что был настоящим. В том, киношном, магии было не больше, чем в банке из-под обувного крема.

Дмитрий Емец

«С клиентом все ясно! Будем брать тепленьким!» — заключила Пипа и небрежно сунула фото под подушку. Фотография утратила свою ценность. Дурнева-младшая нацелилась на оригинал.

— Гурий, — заворковала она, — давай поговорим серьезно! Зачем тебе Гроттерша? Она черствая, как подошва!.. Тебе нужен кто-то, кто понимает твой сложный внутренний мир: метлы, драконбол, комиксы, конфетки с запахом тухлых сливок! И потом, тебе уже семнадцать! Где этой тупой тибидохской хамке удовлетворить твои интеллектуальные запросы? Да она даже дезодорантом пользоваться не умеет! Я не рассказывала тебе, как она брызнула дезодорантом на волосы, перепутав его с лаком?

Пипа замолкла и зыркнула на Пуппера, проверяя, потрясло ли его это сообщение.

Но едва ли Гурий даже слышал ее. Его сознание совершало свой собственный забег. Внезапно он вскочил. В глазах у него запылал демонический огонь, свидетельствующий то ли о наличии в роду темных магов, то ли о богатой фосфором рыбной диете.

— Я понял! Я вызову его на дуэль! Пуф-пуф из кольца — и нет Джон Вайлялькин! — крикнул он страшным голосом.

Это чудо, что Дурневы не проснулись ни теперь, ни прежде, когда вопила Пипа. Должно быть, это заслуга ватных затычек Германа Никитича и наушников его супруги.

С этими наушниками была отдельная история. Не так давно мадам Дурнева купила звуковой гипнокурс «Похудей с музыкой». Всю ночь в наушниках у нее переливался инструментал, на фоне которого убеждающий мужской голос страстно нашептывал с частотой четыреста слов в минуту: «Какая у тебя чудесная фигура, дорогая! Я ненавиж-жу мучное... Я ненавиж-жу жиры и углеводы! Меня тошнит от котлет!» По утрам загипнотизированная Нинель Дурнева сильно задумывалась, прежде чем вонзить вилку в первую за день индейку. Ее била нервная дрожь. Как-то ей почудилось, что курица в бульоне укоризненно шевельнула ножкой, будто пыталась сказать: «За что? Куда мы все катимся!» Мадам даже стала поститься с обеда до полдника, чего прежде с ней никогда не случалось.

— Берегись, Джон Вайлялькин, колдун-вуду! Я буду испепелять тебя в пух и прах!!! Мое кольцо не ведать промах! — снова крикнул Пуппер.

Откликаясь на его призыв, такса Полтора Километра завывала из-под дивана. Из дальней комнаты ей немедленно откликнулся Халявий. Да-да, именно Халявий... Оборотень не пожелал возвращаться в Трансильванию даже после утраты посоха. В мире лопухоидов ему нравилось куда больше. Внучок бабы Рюхи даже вознамерился устроить личную жизнь и требовал у Германа Никитича, чтобы тот дал в газету объявление:

Дмитрий Емец

Мужчина редкой, запоминающейся внешности и уникальных нравственных качеств желает познакомиться с полнокровной женщиной средних лет для совместных прогулок под луной. Звонить по телефону 8-916-XXX-XX-XX, кр. полнолуний и полудня.

Особенно Халявий гордился тем, что в объявлении не содержалось ни капли лжи. Внешность у него действительно была запоминающейся, а нравственные качества — уникальными. Что же касается полнолуний и полдня...

— В полнолуние я того... загрызть ненароком могу. В полдень же у меня крыша едет, — смущенно пояснял Халявий.

«Он меня даже не слышал!» — огорченно подумала Пипа, разглядывая Пуппера, который продолжал бросать вызов Ваньке с такой энергией, словно Валялкин прятался в шкафу и наотрез отказывался выходить.

Пенелопа энергично отбросила одеяло, вскочила и почти насильно принялась гладить развовавшегося Пуппера по жестким темным волосам. Удивленный Гурий отпрянул было, но внезапно обмяк и, вздрагивая спиной, уткнулся лбом ей в плечо. Для этого ему пришлось основательно ссутулиться. Пипа была на полторы головы ниже, зато вдвое шире Гурия. Руки и лоб у англичанина были холодными и влажноватыми, как у русалки, зато Пипа обжигала, как масляный радиатор.

В целом эта парочка могла напомнить чету Дурневых, а заодно навести кое-кого на кое-какие мысли.

«О-о! Птичка уже на насесте!» — обрадовалась Пипа, прекращая тревожиться из-за пижамы. Пупперу было явно не до этого.

Пипа уже торжествовала, но тут Гурий отстранился и с ударением на последний слог деловито окликнул:

— Пипа!

Дочка председателя В.А.М.П.И.Р. вздрогнула. Она не привыкла к такой переделке своего имени на французский лад.

— Пипа, я хочу попросить у тебя что-нибудь из детских вещей Тани!

— Зачем? — неприязненно спросила Пипа.

— Я очень прошу! Хотя бы что-то незначительное!

— Я что, похожа на свинью-копилку? Станем мы всякое барахло хранить! Мамуля Танькино шмотье сто лет назад вышвырнула, — огрызнулась расстроенная Пипа.

— Вдруг остался хоть что-то! Подойдет любой вещь... Это поможет мне перенести разлук, — напирал Гурий. В нем, как во многих иностранцах, наивность удивительным образом сочеталась с практичностью, а сентиментальность с расчетом.

Пипа закусила губу. Ей стало ясно, зачем на самом деле Гурий повторно явился в Москву в пятый день нового года. Жилетка жилеткой, а дело делом — очень здравый подход. Мальчик со счетом в банке отлично знал, что ему нужно.

Дмитрий Емец

— Пипа, я тебя умоляю! Я так несчастный! Хоть какой-нибудь слюнявчик, хоть бутылочка, хоть погремучку! — вновь взмолился Пуппер.

Дочка Германа Никитича скрестила на груди руки.

— Вот уж не думала, что великого Гурия Пуппера можно осчастливить погремушкой!.. Да пожалуйста! Если что найдем — все твое! — произнесла она с холодностью холодильника «Бош».

Отвернувшись, Пипа рывком открыла шкаф и сердито принялась рыться в вещах. Заламывая руки, Пуппер раздражающе маячил у нее за спиной. После продолжительных и безрезультатных поисков Пипа догадалась встать на стул и заглянуть на верхнюю полку, где мать хранила всевозможные семейные реликвии: крошечные ботинки, в которых Пипа когда-то сделала первый шаг, ее первую панамку и жвачку «Сладкий цемент» с навеки застрявшим в ней первым молочным зубом Пипы. И вот тут... тут Пипе улыбнулось счастье. Она оглянулась на Пуппера, быстро скользнула взглядом по его лицу и, пожав плечами, сказала:

— Тебе не повезло. Слюнявчики закончились. Зато есть ползунки... Сойдет?

— Yes! — взволнованно ответил Пуппер.

— Чудненько. Тогда лови! — скомандовала Дурнева-младшая, бросая Гурию ползунки, украшенные божьими коровками.

Гурий подпрыгнул и с ловкостью профессионального драконболиста перехватил ползунки в

воздухе. Его лицо моментально стало героическим, плечи распрямились, даже подбородок укрупнился, отвердел и приобрел мужественную ямку.

— Ну, Джон Вайлялькин, не ты один можешь использовать магию вуду! Знай же, я верну себе Таню, хочешь ты того или нет! — воскликнул он, потрясая ползунками.

Скомканно и невнимательно попрощавшись с Пипой, Гурий уже отправился за метлой, но тут... тут такса Полтора Километра внезапно визгливо залаяла на окно. Она поджала хвост и, стуча когтями по паркету, целеустремленно побежала прятаться под диван. Пипа с тревогой проводила ее взглядом. Она знала, что старая калоша никогда не паникует почему зря.

Дверь на лоджию распахнулась, впустив морозный воздух. В комнату, спрыгнув с ковриков, ворвались два магнотизера. Один был приземистый и рыхлый, с сальными волосами. У другого, молодого и вертлявого, по всем признакам — большого ловеласа, к щеке была зачем-то приклеена бумажка. У них за спиной, перебирая на животе четки, завис на метле магвокат. Его большое горбоносое лицо, казалось, выражало крайнее благородство, однако в глазках явно проглядывало что-то ханжеское и лукавое.

— Уф, свава Двевниву! Вот ты где, Гувий! Как тебе не стыдно? Ну и заставив же ты нас пововноваться! — добродушно сказал магвокат, грозя Пупперу тонким пальцем.

